

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2002

Номер выпуска: 12

Заглавие: Жизнь в стихах

Автор: А. Цымбал

История нашего города хранит немало удивительных и редкостных судеб, как знаменитых, так и безвестных. Несколько стихотворений, опубликованных здесь, - это повод вспомнить еще об одной трагической женской судьбе. Как и многие другие, она могла бы кануть в Лету, если бы не несколько тетрадей, исписанных стихотворениями. Эти тетради передала Таганрогскому музею-заповеднику жительница Ростова, бывший преподаватель педагогического института Тамара Алексеевна Жужеленко. Как человек, изучавший историю русской литературы, она по достоинству смогла оценить эти рукописи и сохранить их как память о своей таганрогской знакомой - Леониде Федоровне Грановской.

Стихи Л.Ф. Грановской никогда не публиковались и были знакомы лишь ее близким и друзьям. Хотя публикации они достойны более, чем многое из того, что печаталось и печатается на страницах периодики и в сборниках. По силе чувств и образности поэтического языка произведения безвестной таганроженки ничем не уступают стихам известных поэтов. «Это настоящая поэзия!» - сказала Тамара Алексеевна Жужеленко, передавая музею рукописи Грановской. Кроме того, судя по воспоминаниям, и жизнь этой женщины была настоящей, трагической в своем одиночестве и душевных муках — путь поэта.

Вехи этой биографии не записаны на скрижалях истории Таганрога, но они читаются в стихах Леонида Федоровны. К тому же имя Грановской было знакомо сотрудникам музея до того, как в их руки попали ее рукописи. Мать Л.Ф. Грановской - Виктория Иасоновна была родной сестрой знаменитой таганрогской художницы Серафимы Блонской. И в архиве музея, среди документов С.И. Блонской, хранятся фотографии Лял и (так домашние называли Леониду Федоровну) Грановской. Старожилы Таганрога вспоминали об эксцентричной старушке с огромными голубыми глазами, торговавшей букинистической литературой на рынке и жившей неподалеку от него, в окружении десятков кошек.

Обитателями таганрогского двора трудно было понять, зачем надо бродить всю ночь под луной по саду, читать стихи звездам, жить впроголодь и при этом раздавать вещи и книги понравившимся тебе людям. И влюбляться, влюбляться без памяти, без надежды на взаимность, несмотря на возраст и жизненные обстоятельства. После ее смерти в Таганроге распространилась легенда о том, что Л.Ф. Грановская покончила жизнь самоубийством из-за неразделенной любви к знаменитому танцору Махмуду Эсамбаеву. Но, скорее всего, это только одна из легенд о ней, как нельзя лучше характеризующая и ее, и отношение к ней окружающих. Впрочем, настоящий поэт, как и любой художник - всегда изгой, так было во все времена.

По воспоминаниям знакомых, Леонида Федоровна считала себя человеком будущего, третьего тысячелетия. Читая ее стихи, понимаешь, что она была скорее женщиной эпохи декаданса. Именно таких героинь, живущих по воле чувств, презирающих общественные условности, можно было увидеть в начале XX века на сцене и в кинотеатрах, они царили в произведениях литературы. Не случайно на это время приходится расцвет русской женской поэзии, лирическая героиня которой по силе чувств всегда превосходит своих избранников. Трагический надрыв сближает творчество Л. Грановской с лирикой многих знаменитых русских поэтесс первой половины XX века. Так же трагична была и ее жизнь. Родившись в 1897 году в семье таганрогских интеллигентов, она выросла в атмосфере преклонения перед «высоким» искусством, жажда служить ему переполняла юную гимназистку. Как многие в юности, Ляля Грановская начала писать стихи, в которых радость жизни «била ключом» (стихотворение «Весна»). Тогда казалось, что впереди только «весна, и соловьи, и розы без шипов». Но железная поступь «века-волкодава» развеяла мечты сотен тысяч гимназисток России.

Л. Грановской повезло, может быть, больше, чем другим. Ей не пришлось зарабатывать на хлеб тяжелым, непривычным трудом. Уклад жизни ее семьи не был разрушен полностью. В 20-30-е годы Л.Ф. Грановская занималась любимым делом - играла в театре и даже снялась в нескольких фильмах. Но ее личная жизнь была поистине драматична. Разочарования, разлуки и потери, среди которых самой страшной была смерть малолетнего сына, преследовали ее. «Эмблему печали в кольцо свое смело я вставила твердой рукой» - так писала в одном из стихотворений Грановская.

Она умела слишком сильно любить и редко находила равноценный отзыв в чьей-либо душе. Тогда в одиночестве и печали все новые и новые строки ложились на бумагу.

Перечитывая их в третьем тысячелетии, в котором так хотела жить Л.Ф. Грановская, мы вновь и вновь сопереживаем и сострадаем этой мятущейся душе, промелькнувшей, как метеорит, по небосклону Таганрога.

P.S. Выражаю признательность председателю ВООПИК А.О. Кожину за содействие в передаче музею рукописей Л.Ф. Грановской.

Л.Ф. Грановская

ВЕСНА

Как хорошо! Как дышится привольно!
Весна пришла! Все блещет, все поет...
Весна пришла! На солнышке довольный
Сидит и жмурится наш старый рыжий кот.
Доносятся ко мне в раскрытое окошко
Так звонко голоса ликующих ребят,
Гремят колесами промчавшиеся дрожки,
И галки старые от радости кричат.
И, отражаясь в лужах на бульваре,
Качаются деревья, облака.
А с крыш домов и мокрых тротуаров
Пар поднимается от талого снежка.
А маленькие серенькие птички –
Воробьишки - шныряют там и тут,
Пришли попить из лужицы водички,
купаются, чирикают, клюют...
Как хорошо! Как солнце нежно греет!
А даль прозрачная воздушна и светла.
И кажется - вот-вот зазеленеет
Подле ворот стоящая метла!

Таганрог, 1912 г.

****

Снег под ногами прохожих скрипит.
Месяц окошко мое серебрит,
Где-то собака завывала в тиши,
Холодно... В комнатах нет ни души...
Завтра сочельник. Еще один год
Так же неслышно в пространство уйдет.
Так же уйдет, не оставив следа,
Как уходили другие года.

Так же в душе моей пусто, темно...
С грустью глубокой гляжу я в окно.
Месяц холодную даль серебрит,
Город уснул и печально молчит...
...Год скоро будет, как он у нас был,
Помню я все, что он мне говорил
С бледной улыбкой, на бледном лице...
Помню я встречу зимой на крыльце.
Боже мой! Где он и что теперь с ним
Жив ли он, Боже, здоров, невредим?..
Мысли бегут и горит голова,
Тихо шепчу я святые слова.
Больно мне, страшно... Зачем этот страх?
Звук замирает на грешных губах.
Боже мой! Слезы мешают писать...
Что же мне делать? Молиться, молчать...
Завтра сочельник-. Еще один год
Тихо, неслышно в пространство уйдет.
Таганрог, 29 декабря 1912 г.

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Здравствуй, мой маленький мальчик!
Доброе утро, мой крошка!
Выглянул розовый пальчик,
Вылезла милая ножка.

Нынче твои именины.
В банке малюточку-рыбку
Я принесла, чтоб от сына
Первую встретить улыбку,

Я тебе ставню открою,
Рыбка твоя золотая
Будет сверкать чешуею,
В солнечных брызгах играя.

Видишь, как весело стало!
Зайчики скачут от света
По твоему одеялу
И по узору паркета.

Ручкой разбрызгал водичку –
Как твоя ясна улыбка!
Ты - моя милая птичка,
Ты - моя юркая рыбка!

Прыгает солнечный зайчик,
Солнце смеется в окошко...
Здравствуй, мой маленький мальчик!
Доброе утро, мой крошка!

Таганрог, 28 мая 1916 г.

БАБУШКА

Бабушка седая в чепчике белом
Сидит в старом кресле, качает головой,
Вспоминает о чем-то неясном, несмелом,
Встречается тихо с новой весной.

Старая бабушка с кудрями седыми
Радуетя жизни в солнечных лучах,
Улыбается чему-то в прошлого дыме,
Держит белую розу в сморщенных руках.

И на бабушку повеет ветер весенний,
Целовать будет ласково морщинки на щеках,
И прижмется нежно к сухоньким коленям
Милая головка в золотых кудрях.

И бабушке дадут пирожное с кремом,
И с бабушкой будут играть в домино,
И бабушке прочтут «Тамара и Демон»,
И в бабушкиной комнате откроют окно.

Улыбается бабушка, головой качает,
Бережно хранит она от мира тайн ключи,
Много лет бабушке, все она знает.
Бабушка мудрая. Бабушка молчит.

Таганрог, 3 августа 1920 г.

***

Я странница. Иду чрез леса и доли,
Иду через луга, поля и хутора,
И путь мой каменист, и посох мой тяжелый,
И мне давно прийти куда-нибудь пора.

Я странница. Иду дорогою печальной
Холодной осенью и долгою зимой,
И полон до краев со мной сосуд хрустальный
Нетронутой никем прозрачною водой.

Я странница. Стучусь: открой свои мне двери,
Впусти меня к себе, в свой тихий белый дом.
Ужели же и ты, и ты мне не поверишь,
И дальше я пойду под ветром и дождем?

Москва, 16 сентября 1922 г.

КОРОЛЕВА ГОРТЕНЗИЯ (МОПАССАН)

Асе

Я задула тихонько свечу,
Небо стало понятней и ближе...

Белый волос в кудрях моих рыжих –
Улыбаюсь, курю и молчу.

Скажешь ты: как могла она жить,
В этой комнате грязной и бедной?
Как могла она в юность бледной
Никогда никого не любить?
Улыбаюсь, курю и молчу...
Старший сын мой такой синеглазый...
Младший часто шалит и проказит... –
Кто идет? Никого не пушу!

Москва, 5 июня 1923 г.

Ф.М. Грановскому

Да, вижу ясно я: там, в розовом тумане,
Ковер знакомый, стол перед окном,
Фигурка девочки с ногами на диване
И лампы мягкий свет под синим колпаком.

Ты мне читаешь вслух. У лампы пред тобою
С облезлым корешком лежит Густав Эмар,
И со страниц встают любимые герои
Отважный Мелендец и гордый ягуар...

Я неудачница, я пустоцвет печальный,
Не так хотела я великий путь пройти,
Не оправдала я твоей надежды тайной,
Но дочь безумную, далекий мой, прости.

Морщины скорбные, рука твоя большая,
Усталое лицо и лоб высокий твой –
Я вижу все - и мысленно ласкаю
Седые волосы печальною рукой...

А там, за розовым, сгустившимся туманом
Отважный ягуар и храбрый Мелендец
Мне улыбаются - и нет больнее раны,
Чем ты, далекий мой, мой брошенный отец!
Москва, 14 мая 1923 г.

ШАХМАТЫ

Асе

Опущены строго ресницы
И складка па лбу глубока:
Зловеще на белой границе
Чернеют чужие войска».

Убиты слоны и солдаты,
Последняя тонет ладья.
Страшась недалекого мата,

Дрожит королева твоя.

Ах, черпая, страшная сила!
Тут нужен искусный игрок:
Раздавит, сомнет, обескрылит,
Потопит непрочный челнок.

А жизнь засмеется, прицелясь,
В твой хрупкий дворец, мой король!
Я верная белая ферязь,
Закреть тебя грудью позволь!

Москва, 17 июня 1923 г.